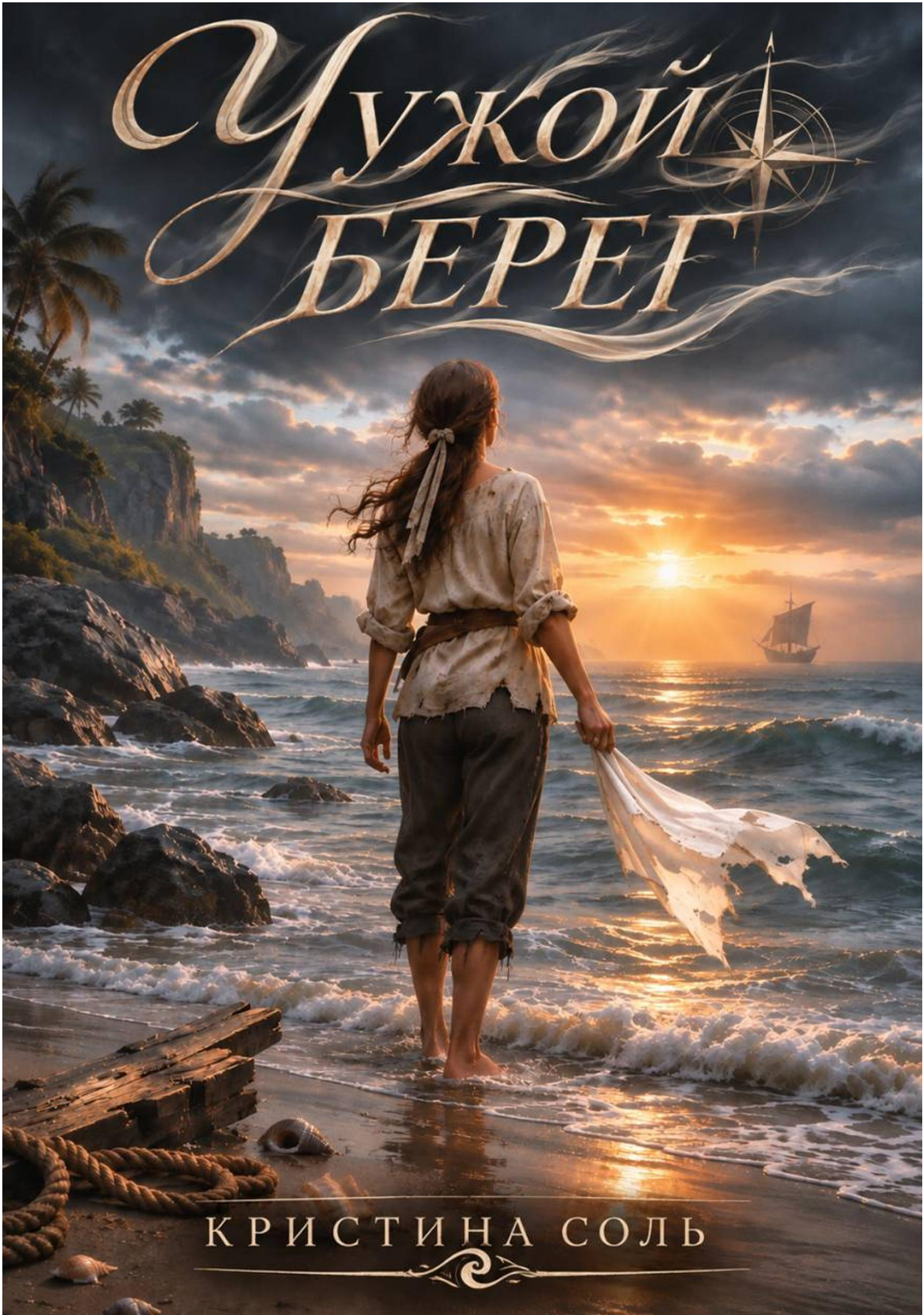

Чужой берег
Кристина Соль

Кристина Соль

Чужой берег

«Автор»
2026

Соль К.

Чужой берег / К. Соль — «Автор», 2026

Мара привыкла решать за других. Она руководит аналитической группой и не расстаётся с телефоном даже в первый за два года отпуск. Шторм настигает круизный лайнер ночью, и она теряет сознание, ударившись о стальную переборку.Очнувшись на песке, она не узнаёт своё тело. Голос у неё чужой, руки грубые, а её зовут Диего. Рядом четверо выживших после крушения испанской каракки 1506 года. Боцман Альваро Тельес принимает её за своего матроса, и поправлять его она не решается. Здесь нет связи, нет карты и нет тех, кто примет решение за неё.Мара вспоминает, как перегонять воду, добывать огонь, ставить крышу и ловить рыбу. С людьми сложнее: помнить нужно не только то, что она знает, но и то, чего знать не должна. Остров быстро берёт своё. Нужно решить, звать ли корабль, как делить еду и кому верить, когда ошибка стоит жизни.

© Соль К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Переборка 5
Глава 1. Чужой голос 6
Глава 2. Выше воды 12
Глава 3. Под парусом 18
Глава 4. Трут 25
Глава 5. Пар 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Кристина Соль
Чужой берег

Пролог. Переборка

В первую ночь отпуска — первого за два года — телефон пролежал у меня под подушкой. На вторую положила его на тумбочку. К концу недели дошло до того, что однажды утром я ушла завтракать и вспомнила о нём, только когда официант спросил номер каюты.

Шторм начался вечером, в открытом море. У балкона вздулась занавеска, и стеклянная дверь захлопнулась так, что я выронила книгу. Прежде чем поднять книгу, я придвинула кресло к стене. Ещё днём мы с соседкой через перегородку спорили, можно ли с нашего борта увидеть дельфинов. Теперь за стеклом иногда показывалась вода, а потом из темноты выступали огни нижней палубы. На несколько секунд они стояли так высоко, что я видела их, сидя на кровати.

Телефон завибрировал. Связь то появлялась, то исчезала, и сообщение пришло с запозданием. Эмили, которую я восемь лет назад уговорила уйти из армии в мою группу в ЦРУ, прислала фотографию пустого стула у себя в кабинете. На спинке висела моя кофта.

«Мара, они опять хотят, чтобы ты решила».

Я набрала: «Кого из своих ты возьмёшь, если я скажу нет?» — и стёрла. Пока я сидела над экраном, пришло ещё одно сообщение. «Уже решила. Убери телефон». Эмили собрала группу перед моим отпуском и справится сейчас. Я успела ответить ей: «Убрала».

За дверью постучали. Я приоткрыла дверь, и соседка из каюты справа просунула голову в щель. Она держала сумочку и две туфли.

— Они сказали ждать в каютах. Мужу послышалось, что надо идти наверх.

Её муж отозвался из их каюты: ему послышалось, что капитан зовёт всех наверх.

— Подождите, я тоже послушаю.

Я вышла в коридор. Соседка попятилась к своей открытой двери и остановилась у порога. Над нами захрипел динамик. Она прижала сумочку локтем, одна туфля выскользнула и поехала по ковру носком вперёд. Лайнер кренился всё сильнее. Мы обе смотрели вслед туфле.

Потом пол ушёл вбок. Я схватилась за ручку её двери, соседка навалилась на мою руку. Успела втолкнуть её в их каюту. Подошвы сорвались с ковра, дверь качнулась — меня швырнуло поперёк коридора. Я ударилась головой о стальную переборку.

Я услышала удар. В первый миг решила, что это волна ударила в корпус.

Глава 1. Чужой голос

Вода схлынула, и я почувствовала песок щекой. Пока собиралась повернуться, меня снова накрыло. Я поджала колено и оттолкнулась от дна. Ступня проехала по чему-то гладкому. Я выбралась из воды на четвереньках и закашлялась, уткнувшись лбом в мокрый берег.

Где-то над ухом шуршало. Мелкие камешки катились обратно в море. Следующая волна добралась до пяток, подхватила с песка щепку и положила мне на голень. До меня ещё доставали края волн, и я отползла подальше. Ноги дрожали. Когда локоть подогнулся, я легла на бок и дала кашлю пройти.

Над пляжем уже светало. Солнце ещё пряталось за облаками, но между ними было видно голубое небо. Головой я ударилась ночью. В этой части воспоминания всё было на месте, вплоть до соседкиных пальцев на моей руке. Дальше я могла только гадать, кто меня вытащил из коридора и зачем спускал в шлюпку без сознания.

Передо мной из песка торчала перевёрнутая доска, выкрашенная в красное. Я сперва приняла её за обломок спасательной шлюпки. Краска сходила неровными чешуйками, в трещинах чернело дерево. Когда волна отступила, под доской показалась верёвка. Она тянулась к чему-то тяжёлому на мелководье и натягивалась всякий раз, когда там поднималась вода.

Лайнер я не видела. Море уходило до самой кромки неба. Где-то далеко над ним ещё стояла тёмная полоса туч, над остальным морем небо уже прояснилось. Чуть левее белело так ровно, что сначала я приняла это за другой берег. Белое то поднималось, то оседало. Волны ломались в одном и том же месте, хотя до суши было ещё далеко.

Неподалёку лежал человек. До него было ближе, чем до доски. Он лежал на спине, раскинув руки, а мокрая рубаха прилипла к груди. Я встала на колени рядом и окликнула его. Тот не шевельнулся. После второго оклика я замолчала и несколько секунд смотрела, поднимется ли грудь.

Вместо неё поднялся край рубахи. Подул ветер, и я увидела, что ткань рассечена у ворота, а один рукав держится на последних нитках. Под шеей запуталась тонкая бечёвка с маленьким деревянным крестиком. Я осторожно высвободила её из-под его подбородка. Двигалось только то, к чему я прикасалась.

— Есть кто живой?

Низкий голос прозвучал у самого уха. Я обернулась. За спиной был пляж, в нескольких шагах от воды начинались кусты. Никто оттуда не выходил.

Я выговорила «эй» и прижала ладонь к горлу. Пальцы нащупали выступ, которого раньше там не было. На подбородке под ногтями заскребла щетина.

Я медленно отвела ладонь от лица. Кожа на ней была грубая, светлые мозоли тянулись от основания пальцев, а у большого пальца белел давний шрам. Когда я упёрлась рукой в песок, щепка задела кожу рядом со шрамом. Я отдёрнула руку и сразу забыла о царапине. На правой руке у меня тоже был шрам, но в другом месте. Нож соскользнул, когда мне было одиннадцать,

и рассёк костяшку. Мать тогда велела прижать полотенце, пока она ищет ключи от машины. От того пореза остался тонкий кривой след, который я могла нащупать с закрытыми глазами. Сейчас палец прошёл по целой коже.

На моих ногах были башмаки. Я сидела в них, в чужой мокрой рубахе, рядом с мёртвым мужчиной и всё ещё пыталась вспомнить, кто мог снять с меня одежду на лайнере. Как будто, вспомни я это, всё остальное встало бы на место.

Справа из-за наваленного дерева донеслось:

— Диего!

Я поняла, что мужчина зовёт меня. Обернулась раньше, чем успела возразить самой себе. Из-за обломков вышел босой человек, придерживая за пояс мокрые штаны. На голой груди по диагонали шла красная полоса. Он остановился так, чтобы видеть и меня, и воду.

— Встанешь?

— Наверное.

Я ответила на том же языке. В средней школе у меня два года был испанский, и самым надёжным моим оборотом до сих пор оставалось «повторите, пожалуйста». Здесь я даже не успела перевести вопрос. Слово само нашлось во рту, со звуком, которого я от себя никогда не слышала.

Человек протянул руку. Я узнала его прежде, чем разглядела лицо.

Альваро.

Его имя пришло вместе с деревянными ступенями и миской у него в руке. От миски пахло едой. Я попыталась удержать видение, но ступени исчезли. Позже с этой памятью всегда было так: движение или звук вытаскивали обрывок, а вопросы ничего не давали.

— Вставай, пока можешь, — сказал он.

Я ухватилась за его предплечье. Поднялась легче, чем ожидала, зато земля качнулась. Пришлось шагнуть в сторону и упереться ладонью в дерево. Пальцы легли в щель между досками, где торчала пакля. Вынула руку и разглядела на подушечках бурые волокна. Пахло смолой.

— Видел кого ещё? — спросил Альваро.

Хотелось спросить, почему он так уверен, что я Диего. За спиной у него белела рубаха мёртвого. Я спросила другое:

— Успели спустить шлюпку?

Он посмотрел в море. Оттуда на нас шла длинная полоса пены.

— Лодку унесло, пока она ещё была привязана. Видишь ту доску?

Ту самую, с красной краской, волна развернула вдоль берега. Я хотела сказать, что на лайнере шлюпки были оранжевые, но удержалась. По ответу Альваро я уже не была уверена, что мы с ним с одного корабля.

Альваро присел возле мёртвого, поднял конец бечёвки, вытер песок с крестика и положил его обратно на грудь. Вместе с этим движением всплыло слово «боцман». Я ещё не понимала, откуда знаю его должность.

— Педро, — сказал он.

Я ждала, что вместе с именем придёт лицо живого Педро. В памяти ничего не сдвинулось. Альваро опустил руку, помедлил и стянул ворот покойника единственной уцелевшей завязкой. Потом поднялся.

— Пойдём. Его я нашёл первым.

Мы пошли вдоль кромки выброса. Альваро держался рядом и ни разу не взял меня под локоть. Тело слушалось, только когда я переставала следить за каждым шагом. Оно само выбирало, куда поставить ступню, а если я слишком долго смотрела вниз, начинало заносить в сторону. Разумнее всего оказалось смотреть на пятки Альваро. Он обходил щепу, отодвигал концом палки поперечины, под которыми могло остаться что-нибудь живое, и останавливался там, где шум прибоя позволял услышать ответ.

Выгнутые доски держались на железной скобе. Между свежими изломами виднелась трава.

Под этой дугой мне на мгновение представилась тесная палуба, залитая водой. Кто-то стоял на коленях и пытался откатить бочку из прохода. Бочка сорвалась и ушла в темноту. Море едва угадывалось по тусклым отсветам луны под облаками. Я почувствовала, что опираюсь обеими руками о настоящую доску, а Альваро уже ушёл вперёд.

— Как назывался корабль? — спросила я.

Он остановился.

— Диего, ты в самом деле ничего не помнишь?

Я сказала единственное, в чём была уверена:

— Последнее, что помню, — удар.

Альваро вернулся, осмотрел мой затылок, затем отвёл волосы у виска. Я дёрнулась. Он сразу убрал руку.

— «Санта-Инес», — сказал он. — Ночью сели на камни.

Название отозвалось видом кормы. Лодка подходила к борту; я рванулась наверх, а кто-то потянул за ремень и велел сперва подать мешок.

— А до того откуда шли?

— Из Санто-Доминго. Кувшины на борт ты сам таскал. До следующего острова так и не дошли.

Санто-Доминго осталось словами. В памяти мелькнули жёлтая стена и рыба, разложенная на камнях, и пропали.

Альваро подобрал у обломков палку и ткнул ею в мокрый песок перед собой. Можно было пройти. Я пошла следом: сначала надо найти людей.

За грудой брёвен показалась человеческая нога. Я заметила, как пальцы согнулись. Мы с Альваро обошли обломки с разных сторон. Парень сидел в неглубокой яме, привалившись спиной к доске, и пытался выжать воду из рукава. Завидев нас, бросил рукав и схватился за край доски.

— Не уходите, — сказал он. — Я сейчас.

— Сиди, Матео. Мы никуда не уходим.

Альваро присел так, чтобы парень видел его лицо. Я осталась стоять. По тому, как у Матео ходили плечи, было непонятно, то ли он мёрз, то ли никак не мог отдышаться. Башмак на его левой ноге потерял подошву. Он заметил, куда я смотрю, и подтянул ногу под себя.

— Я могу идти.

— Хорошо, — сказал Альваро. — Встанешь — пойдём.

Матео посидел ещё немного, потом подал ему руку. Пока они возились, из-за кустов вынырнул человек с длинным куском снасти на плече. Шёл он быстро, а увидев, что мы все стоим, сбавил шаг. У него были седые виски и грязь до колен. Верёвку он бросил на траву, не глядя под ноги.

— За поворотом никого, — сказал он.

Матео прижался к доске и посмотрел ему за спину.

— А капитан?

Человек с верёвкой покачал головой. Вместо ответа поднял из травы башмак с ещё целой подошвой и подвинул к Матео. Тот долго смотрел, прежде чем взял.

— Эстебан, — сказал Альваро. — Помоги ему дойти до тени.

Эстебан посмотрел на меня.

— Диего, — сказал он. — А я думал, тебя унесло вместе с лодкой.

— Я тоже.

Эстебан усмехнулся, и на этом мы оставили разговор.

В тени пахло размятыми листьями и гниющей водорослью. С берега деревья выглядели стеной. Теперь, когда я подошла ближе, между стволами открылись проходы, а за кустами поднималась невысокая терраса. По песку под ней тянулась полоса сухой травы с пустыми раковинами. Она была заметно выше того места, где пришла в себя я. Подобные полосы я видела и на других берегах после плохой погоды. Здесь среди травы застряла длинная щепка со свежим изломом.

Матео и Эстебан устроились под деревом, а я подошла к Альваро. Он смотрел в море. Из воды торчал тёмный брус. От лайнера ничего.

Соседка могла пережить шторм. Когда мы расстались, она была по ту сторону порога, куда я успела её толкнуть. Я попыталась представить, что ей сказали утром, когда нашли туфлю в проходе, и обнаружила, что застряла на простой подробности. Мне было неизвестно даже её имя. Мы целую неделю здоровались через перегородку.

— Вот там тебя нашёл, — сказал Альваро.

Он показывал на тёмный промой у воды. Я посмотрела на место, где лежал Педро, и поняла, что сдвинулась по берегу дальше, чем думала. Следы моих коленей уже смыло.

— Ты меня вытащил?

— Тебя вынесло на песок. Я оттащил тебя от досок. Ты закашлялся. Я ушёл за тем, кто ещё звал.

Слова «ещё звал» заставили меня повернуться.

— Кто?

— Не видел. Там, у дерева, где все обломки. Голос пропал, пока я добрался.

Он говорил, глядя в ту сторону. Между нами и грудой дерева было открытое место, куда добралась только одна из последних волн. В воде покачивался кусок полотна. Когда его прижимало к песку, можно было разглядеть шов с ровными стежками. В памяти отозвалось привычное движение иглы, без лица и имени.

— Давай ещё раз, — сказала я.

Альваро оглянулся на Матео и вернулся к обломкам. Я пошла с другой стороны.

За обломками мы нашли только парусину, набившуюся в щель. Порыв ветра раздувал её, и дерево тонко скрипело. Альваро отогнул край и просунул голову. Я обошла груду с другой стороны. Из-за неё пляж был виден до загиба, а там над песком нависали обнажённые корни.

Прибой бил по ним с таким шумом, что человеческий голос можно было бы пропустить, даже стоя в нескольких шагах.

Я снова окликнула берег. Чужой голос донёсся до кустов и вернулся с обрыва. С каждым разом он давался легче. Хуже было то, что я уже начинала узнавать в нём себя.

Парусина за спиной затихла. Прибой на миг стих. И тогда из-за загиба пляжа кто-то сказал:

— Здесь.

Альваро обернулся ко мне. Я уже бежала вдоль корней, откуда шёл голос.

Глава 2. Выше воды

За поворотом берег оказался таким узким, что я едва успела схватиться за корень. Волна прошла по тому месту, куда я собиралась поставить ногу. Клочок пены пристал к моему башмаку и тут же растаял.

— Здесь, — повторил человек.

Лежал он выше, в выемке под обрывом. Вода вымыла песок из-под корней, и туда наползли доски. Издали между ними можно было разглядеть разве что край рубахи. Человек держал руку на весу, придерживая над лицом ветку. Ветка была тонкая. Пока я смотрела, рука опустилась, и листья легли ему на лоб.

— Хуан, — сказал Альваро у меня за спиной.

Листья дрогнули. Хуан попробовал улыбнуться.

— Долго же ты.

Альваро протиснулся под корнями первым и убрал ветку. Одна нога у Хуана лежала на песке, босая, с налипшими обломками раковин. Вторая уходила под доску, которую волна поставила наискось и вогнала концом в склон.

— Пробовал вытянуть? — спросил Альваро.

— Пробовал. Если надо, могу ещё раз. Вам понравится.

Боцман оглянулся. Я уже видела, чем упиралась доска и почему она не сдвинулась у Хуана. Сверху её держал другой обломок, потяжелее. Каждая новая волна подмывала песок под ним. Вода пока не доставала до плеч Хуана, но песок у его головы был мокрым.

— Сходим за Эстебаном? — спросил Альваро.

Пока он произносил имя, под доской выступила вода.

— Позови его отсюда.

Альваро высунулся из-под корней и крикнул. Я опустилась рядом с Хуаном. Он следил за мной открытыми глазами и ни разу не посмотрел туда, где у него застряла нога. Вблизи было видно, как мелко дрожит кожа под его нижней губой.

— Ты знаешь, кто я? — спросила я.

— Диего. Если ты теперь кто-то побогаче, скажи, я попрошу у тебя в долг.

Хотелось ответить ему сразу. От имени опять возникло то неприятное ощущение, когда я уже собиралась обернуться, а оборачиваться было некуда. Пришлось наклониться над доской и положить на неё руки, чтобы Хуан решил, что я занята.

Эстебан скинул башмаки и заглянул под доску. Они с Альваро приподняли её с другого конца, а я удержала Хуана. Он вцепился мне в плечо. Освобождённую ногу подхватили, и мы оттащили его от воды.

На сухом месте я смогла рассмотреть ногу. Рубаха и штаны были мокрые, и сперва трудно было понять, откуда шла кровь. Альваро оторвал от подола лоскут, а я сложила его чистой стороной наружу и прижала к ране. Эстебан принёс доску со следами тесла. Вдвоём мы уложили на неё ногу, чтобы та не болталась при переносе.

Хуан разжал пальцы на моём плече и посмотрел, куда успел вцепиться.

— Прости.

— На той стороне ещё есть место.

Он тихо засмеялся. Смех оборвался, когда ему пришлось повернуть голову, чтобы увидеть ногу. Я попросила его посмотреть на меня и держать ткань там, где была моя рука. Он послушался. Пальцы сначала съехали, затем легли точно на место.

Альваро сходил за Матео. Вернулись они с куском парусины, волочившимся по песку между ними. Матео ступал осторожно, поджимая пальцы в слишком большом башмаке. При виде Хуана он остановился, и парусина выпала из его рук.

— Ну вот, — сказал Хуан. — Нашёл себе обувь.

Матео снова взялся за ткань.

За поворотом пляж расширялся. Мы переложили Хуана на парусину. Подняли неровно, он зажмурился и сквозь зубы велел идти.

У места, где мы оставили верёвку, Хуан попросил опустить его. Здесь от воды до деревьев было дальше. Мы улеглись на песке по обе стороны от него. Даже Альваро не сразу поднялся.

Море за рифом было густо-синим, у пляжа светлело. Сквозь воду проступали тёмные пятна. Я приняла их за тень от облака, но облако ушло, а пятна остались.

Хуан лежал лицом к воде и щурился от её блеска. Альваро натянул ему на глаза край рубахи, и Хуан, не открывая их, пробормотал:

— Я просил немного тени. Церковь пока не зови.

Матео сел рядом и прикрыл его лицо от солнца собственной спиной. Дальше по пляжу Эстебан остановился возле досок и поднял что-то обеими руками. Я решила, что он нашёл остаток паруса. Потом увидела ручку.

Кувшин он нёс к нам бережно, прижимая к животу. На тёмной глине от дна до горлышка шла царапина, глубокая, но сухая. Вокруг пробки ещё держалась промасленная ткань, стянутая шнурком.

— Из наших, — сказал Эстебан. — Видишь, как обвязано?

Шнурок я не узнала. Зато вспомнила, как укладывали кувшин в солому. Чужое воспоминание было до того обыденным, что впервые за утро мне стало от него спокойно. Мокрые пальцы передали мне сухой кувшин, и кто-то рядом попросил поставить его горлом вверх. Диего поставил. Вот и вся история.

Эстебан протёр горлышко краем рубахи с изнанки. Альваро принял кувшин и отнёс его Хуану. Тот сделал глоток, отвернулся и снова потянулся к горлышку. На этот раз Альваро подождал, пока Хуан сам скажет, что хватит.

От первого глотка свело горло. Позавчера официант менял мне стакан, потому что лёд растаял. Я отняла кувшин от губ и передала дальше.

— Останемся здесь, — сказал он. — Дерево под рукой. Если кто-нибудь пойдёт вдоль берега, увидит нас.

Место было хорошее. Отсюда мы видели прибой до самого поворота, у деревьев дул ветер, а Хуана можно было уложить в тень. Два часа назад я и сама остановилась бы здесь. Теперь, стоя рядом с кувшином, я смотрела на полосу высохшей травы, которую заметила утром. Она уходила за стволы и появлялась снова там, где начинался склон.

— Лучше выше, — сказала я.

Альваро поставил пробку на место. На меня он посмотрел только после того, как затянул шнурок.

— Ты видел, как мы его сюда дотащили?

— Видела.

Он слегка наклонил голову. Слово уже вылетело. Я успела заметить, как Матео поднял глаза от своего башмака.

— Видел, — повторила я. На этот раз правильно. — К морю потом сможем ходить без него.

— Море уходит. Посмотри на песок.

На песке действительно открывались новые полосы. Когда мы вытаскивали Хуана, волны доставали до корней. Теперь между ними и водой поместилась бы лодка, если бы у нас была лодка. Ветер тоже ослаб. Стоило опустить глаза, и можно было поверить, что худшее за день прошло.

Я вытащила красную щепку из полосы выброса. Рядом застряли водоросли — выше того места, где лежала голова Хуана.

— Подойди, — позвала я Альваро.

Он пришёл без кувшина. Я раздвинула траву, чтобы стало видно, где лежала щепка.

— Ты думаешь, это с нашей лодки? — спросил он.

— Думаю, её сюда принесло ночью. Тут никому не пришлось её поднимать.

Альваро взял щепку и перевернул. За ним качалась пальма. Ветер клонил листья в одну сторону, на солнце мелькала их светлая изнанка. Чуть выше полосы травы ствол был гладкий и сухой. Ниже на нём застряла водоросль, в которую набилось столько песка, что я сначала приняла её за кору.

Он поднял взгляд к террасе.

— Сегодня до этого места не дойдёт, — сказал он.

Он помолчал, будто ждал, что я опять примусь спорить.

— А ночью мы не увидим, если дойдёт, — добавил он сам.

Щепку Альваро отдал мне. Я положила её туда, где нашла. Ни один из нас не сказал Хуану, что собираемся снова его поднимать. Сначала мы с Альваро пошли наверх, посмотреть, есть ли куда его нести.

У края песка под ногами стало мягко. Листья слежались в мокрый слой, и под ним попадались корни. Внизу пальмы стояли по одной, здесь же их кроны сходились с более низкими деревьями. В тени было влажно. С листьев капало за ворот. Ветер трогал верхушки, а здесь до нас почти не добирался.

Альваро не пустил меня в ложбину: палка провалилась в жидкую грязь. Пошли вдоль корней, нашли плотный грунт, но и там он показал наверх. Над площадкой в развилке висел сломанный сук. Альваро показал на место под ним: если сорвётся, ударит прямо по спящим.

Выбрали место в стороне, у скалы, где склон оставлял достаточно ровной земли. Когда я встала там, откуда собиралась смотреть на море, открылись оба края рифа. На белой полосе одна волна вырастала выше других, переламывалась, а за ней полоса снова становилась ровной. С пляжа я следила за тем, что вода делала у моих ног. Отсюда впервые стало видно, насколько далеко от нас всё начиналось.

Чуть выше рифа над водой повисла большая птица. Она почти не шевелила крыльями. Ветер поднял её, понёс вдоль берега, и тут она сложила крылья и ушла вниз. Брызги рассыпались и пропали. Через несколько ударов сердца птица снова поднялась над водой.

Я смотрела ей вслед, пока не заболела шея. У меня давно не было минуты, в которой от меня требовалось только поднять голову. Внизу ждал Хуан, а я стояла и хотела, чтобы птица повторила свой бросок. Она развернулась и пошла дальше, туда, где кончалась видимая с уступа вода.

— Тут можно ночевать, — сказал Альваро.

Из леса отзывалась птица помельче. На берегу её не было слышно. Теперь прибой затихал на несколько мгновений, и всякий раз в эти промежутки пробивались её резкие, короткие оклики.

— Дождя хватит и здесь, — сказала я.

— У тебя есть место получше?

Я оглядела склон. Сухого дома с крышей за деревьями не оказалось.

— Разве что на корабле.

Альваро коротко выдохнул. На обратном пути он пошёл впереди и показал Матео, куда надо будет нести Хуана.

Хуан выслушал нас, перевёл взгляд с Альваро на меня и приподнялся на локте.

— Вы меня там бросите или вниз ещё понесёте?

— Сегодня только вверх, — сказал Альваро.

Хуан кивнул и опустился на спину. Пока мы подводили под него парусину, он сам нашёл край и сжал в кулаке. Матео увидел это, наклонился и сказал ему:

— Так держи. Только меня за руку не хватай. Я и без того иду плохо.

На подъёме Хуан молчал. Мы дошли до первого корня, где тропа уходила вбок, и там он выдал такое длинное ругательство, что у меня не сразу получилось его понять. Матео прыснул. Парусина дёрнулась. Хуан выругался ещё раз, гораздо короче, и дальше Матео не смеялся, пока мы не опустили Хуана на землю.

К вечеру сюда перенесли Хуана и всё, что удалось собрать. На пляж возвращались только за обломками.

Ночлег пока устроили у скалы. Под Хуана подстелили сухие листья, поверх них положили ткань. Шорох не прекращался долго после того, как мы его уложили. Он искал положение, в котором нога хотя бы ненадолго оставляла его в покое. Нашёл, когда Матео подложил под его плечо свёрнутую рубаху. Тогда Хуан позвал его по имени и попросил остаться рядом. Матео сел так близко, что Хуан мог дотянуться до него рукой.

Закат застал меня у края террасы. Под солнцем тёмные стволы пальм были видны до самой земли. Потом свет остался только на кронах. На воде поднималась лиловая полоса, и на её фоне белел риф. Когда солнце спряталось за лесом у нас за спиной, облака над морем ещё держали свет. Дольше всего светился их рваный нижний край, под которым уже шёл дождь. Сюда он ещё не добрался. Пахло землёй, нагретой за день, и солью.

Снова вспомнилась соседка. Мы переговаривались через перегородку между балконами и уверяли друг друга, что видели одну и ту же дельфинью спину. Теперь я могла вспомнить,

как она подбирала волосы у виска, и всё ещё не знала её имени. До вечера мне удавалось думать о ней как о человеке, который наверняка уже надел сухое. Теперь я поняла, что не увижу её и не спрошу.

Снизу донёсся тяжёлый удар. Утром в таком же ритме ходила доска с красной краской. Теперь вода тащила что-то большее. Я спустилась до первого поворота, где между деревьями просматривался пляж. В сумерках море побелело на всём протяжении от рифа до берега. По ровному месту, где мы лежали рядом с Хуаном, пробежала пена. Она дошла до ствола, у которого сидел Матео, свернула вдоль полосы водорослей и ушла. Следующая волна добежала дальше.

Альваро остановился рядом. В руках он держал сухую часть парусины. Ещё днём я просила его оставить её наверху, а он говорил, что ночь тёплая. Теперь он смотрел вниз, прижимая полотно к животу.

— Он бы даже встать не успел, — сказал Альваро.

Я поправила край ткани у него под локтем. Ветер уже пытался вывернуть его наружу.

Он развернулся и пошёл наверх. Я пошла следом. Возле скалы Альваро развернул парусину и поднял край над Хуаном. Второй край достался мне. Пока мы прикидывали, за что его зацепить, на светлой ткани проступило первое тёмное пятно.

Капля была крупная. Я видела, как она расползлась по ниткам, прежде чем на ткань легла следующая.

— Матео, — позвала я. — Принеси верёвку.

Глава 3. Под парусом

Матео принёс верёвку вместе с Эстебаном. Тот держал свободный конец и кричал парню, чтобы перестал на него наступать. Пока они шли от скалы, дождь успел намочить мне плечи.

— К дереву, — сказал Альваро. — К тому, что ближе.

— Там ветка над головой.

Альваро поднял локоть, указывая в сторону.

— Правее. Видишь раздвоенный ствол?

Ствола я уже почти не видела. Ещё недавно внизу различались белые гребни, а теперь дождь загородил море. Дождь заглушал голоса, хотя мы стояли в двух шагах друг от друга. Матео добрался до дерева на ощупь и приложил к стволу верёвку. Эстебан сунул ему в руки середину полотнища. Парень зажал её подбородком, и на миг у него получился воротник до самых ушей.

К скале ткань прижали жердью. С другой стороны Альваро и Эстебан подняли её край на обломке реи. Для второй подпорки подходила кривая палка, которую я ещё днём вытащила из сухих листьев. Ставить её пришлось уже в темноте. Нижний конец всё время соскальзывал, и я держала его ногой, пока Альваро натягивал верёвку.

— Диего, руку сюда.

Я подала руку. Под ней оказалось плечо Хуана. Пока я возилась с палкой, он подтянул плечи дальше под ткань. Складка под больной ногой сбилась. Альваро лёг на колени и расправил её, потратив на это больше времени, чем мы только что потратили на всю крышу.

Потом под парусину забрался Матео. С него лилось ещё долго. Кувшин он подтянул к себе и прижал между ступнями. По глине стекали струйки, но пробка под промасленной тканью оставалась на месте.

— Тебе сюда, — сказал Хуан и подвинул локоть, освобождая место.

Там, куда он звал Матео, уместился бы разве что ребёнок. Парень лёг на бок, подобрал колени и всё-таки уместился.

Снаружи Эстебан обошёл навес и пнул нижний конец подпорки, которую я держала ногой. Палка осталась стоять. Тогда он залез под крышу с моей стороны. От его рубахи пахло мокрым деревом.

— Хороший дом, — сказал он.

— А ты много таких видал? — спросил Хуан.

Эстебан отряхнул с рукава прилипший лист.

— В таком я родился. Только отец был упрямый. Говорил, что стены поставит к зиме.

Он подложил предплечье под затылок и прикрыл глаза. В темноте трудно было понять, рассказывал он правду или просто хотел, чтобы Хуан перестал слушать свою ногу.

Капли попали мне на лицо сбоку. Я сдвинулась ближе к скале. Здесь парусина шумела совсем иначе, чем на открытом месте. Над головой дождь бил по ткани, а от камня возвращался глухой звук. Под ними постепенно обнаружились другие звуки. Хуан дышал глубоко и редко. Матео время от времени втягивал носом воздух.

До сих пор мне удавалось думать о своём положении примерно так же, как я думала о мокрой одежде. Потом разберусь, главное сейчас — добраться до сухого места. Сухое место нашлось, и, едва я перестала держаться за палку, пришлось посмотреть на руки.

Под ногтем засохла полоска чужой крови. У основания большого пальца, рядом со старым шрамом, была свежая царапина. С утра я так и не поняла, где её получила. Теперь она щипала. Мне захотелось отыскать на этой руке хоть что-нибудь своё, и я машинально потёрла безымянный палец.

На нём много лет оставалась узкая вмятина от кольца. Само кольцо лежало дома в ящике с батарейками и ключами, которыми никто давно не пользовался. Я сняла его после развода. Потом несколько месяцев всё равно касалась пальца, когда ждала лифт или стояла перед красным светом. След исчез задолго до отпуска. А движение пережило и след, и руку.

— Диего?

Я подняла голову. Альваро сидел у открытого края навеса. Нас разделяли вытянутые ноги Эстебана.

— Что?

— Ты сегодня у дерева заговорил со мной так, будто мы первый день знакомы.

Пока держала подпорку, я успела отсидеть ногу, и теперь затекла ещё и шея. Я потёрла её и помедлила чуть дольше, чем нужно было для простого ответа.

— После удара слова иногда путаются.

— А что ты помнишь?

Мне хотелось сказать, что страннее всего мне слышать себя на испанском. Я слышала каждое слово, даже когда Альваро говорил почти шёпотом, и от этого становилось только хуже. В школе мы повторяли за учительницей фразы про поход в аптеку. Сложнее всего мне давалось объяснить, что болит. Сейчас я могла бы во всех подробностях объяснить Альваро, как болит рука, на которой никогда не было моего кольца.

— Как шли по берегу. Остальное возвращается по кускам.

Боцман провёл пальцем по мокрому краю полотна.

— Матео слышал, как ты переспрашиваешь. Я сказал ему, что ты ударился головой.

Мне пришлось повернуться, чтобы разглядеть лицо Альваро. Он уже смотрел наружу.

Ветер стих, и дождь пошёл ровнее. Стало слышно, как вниз по склону течёт вода. Она прошла мимо нас по углублению, которое мы с Альваро обошли днём. Иногда в струе перекатывался мелкий камень. Мне удалось задремать. Проснулась я оттого, что Хуан сказал:

— Уберите это с ноги.

Матео ещё спал рядом. Я приподнялась и в темноте сперва нащупала его плечо, потом край ткани над Хуаном. Край оказался у меня перед лицом, хотя прежде висел выше головы. Я потрогала парусину снизу. Она подалась совсем немного и тут же осела обратно. Над больной ногой Хуана образовался тяжёлый карман. По шву падали капли, а сама ткань уже касалась повязки.

Альваро проснулся, когда я позвала его. Спросонья протянул руку, нащупал провисшее полотно.

— В сторону, — успела сказать я.

Он приподнял ткань ближе к краю. Над головой плеснуло, и по открытому краю хлынула вода. Основная струя ушла наружу. Тонкая струйка пробилась сквозь шов и окатила Хуану ногу от колена до щиколотки. Тот втянул воздух сквозь зубы. Матео сел так резко, что ударился плечом о подпорку.

Крыша вздрогнула. От скалы съехала жердь. Эстебан подхватил её над Хуаном и прижал к груди.

— Теперь бы стены, — сказал Хуан. — Чтобы никто не вышел и не бросил меня здесь.

Я оттянула мокрый край парусины от его ноги. Когда вода ушла, стало видно, почему крыша потекла. Камень держал один край, верёвка держала другой. При слабом натяжении ткань легла почти ровно. В середине ей было куда провиснуть, и каждая новая капля добавляла вес. Мы могли выливать воду до утра. И каждый раз вода попадала бы на Хуана.

— Поднимем край у скалы, — сказала я Альваро. — С этой стороны надо опустить. Вода тогда сама уйдёт за лежанку.

Он взялся за подпорку и приподнял её, проверяя, сколько есть места.

— У скалы выше не получится. Ткань короткая, до кольев не дотянется.

Я высунулась наружу. Альваро был прав. Мы едва наскребли полотно на ночлег. Приподними его с одной стороны, и с другой оно перестанет прикрывать Хуана. Пока примеряла ткань руками, сверху мне на затылок упала струйка, сорвавшаяся с камня. У скалы было темнее, чем у деревьев, и блики воды на камне пропадали, едва я поворачивала голову.

— Тогда отодвинем от скалы. К деревьям.

— Под какую ветку? — спросил Альваро.

Он помнил про сломанный сук. Мне стало хорошо оттого, что объяснять ему это снова не понадобилось.

Эстебан зажал жердь под мышкой и повернул голову туда, где днём мы смотрели на риф.

— У раздвоенного ствола свободно, — сказал он. — Там земля повыше с одной стороны.

Альваро сел на корточки возле Хуана.

— Снова двигаться придётся.

— Ты мне обещал только вверх.

Боцман посмотрел на Эстебана. Тот пожал плечами.

— Там немного вверх.

— Тогда ладно, — сказал Хуан. — Обещание есть обещание.

Хуана перенесли под дерево. Матео унёс следом кувшин.

Мокрое полотно волочилось по земле. Я тащила его, прижав к груди, пока руки сами не нашли удобный хват.

У дерева Альваро поднял верёвку выше прежнего. Матео взялся за короткий край парусины, а мы с Эстебаном натянули длинную кромку и привязали её к кольям, в стороне от Хуана. Ткань легла под уклоном. Дождь на миг ослаб, и по полотну пробежала тонкая струя от верхнего крепления до нижнего края. Прямо туда, где Эстебан оставил башмаки.

Эстебан молча перенёс их под навес.

Ткань скрипнула в руках, и вместе со звуком вернулась палуба. Альваро что-то требовал сверху, а мы с другим матросом переглянулись. Я открыла рот раньше, чем успела понять, что скажу.

— Выше, дон Блоха, — сказала я.

Альваро так резко повернул голову, что верёвка съехала по коре.

Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что я сказала. Поразило другое: я произнесла кличку так же уверенно, как когда-то своё имя при знакомстве. Воспоминание Диего впервые успело стать словом раньше, чем я его разглядела.

У Эстебана дрогнуло плечо. Матео сидел рядом с Хуаном, глядя на Альваро. Тот открыл рот, явно собираясь сказать что-нибудь привычное, и вместо этого засмеялся. Сначала тихо, потом громче. Смех дошёл до Хуана, и тот приподнял голову.

— Чем заслужил? — спросила я, пока Альваро пытался вернуть верёвку на место.

— Между спящими прыгал, когда будил таких, как ты. Что, и это забыл?

Я подхватила свободный конец верёвки.

— Только причину.

Альваро ухватил верёвку ближе к стволу и придержал, пока я поправляла свой край.

— На корабле из тебя этого было не вытянуть при мне, — сказал он.

В его голосе ещё слышался смех. Альваро остался рядом. Дождь усилился, и он поднялся проверить крышу. Вода пошла по полотну тонкими струями. У нижнего края они сходились и стекали за подстилку, на корни. В дальнем углу ещё собиралась лужица. Мы подтянули ткань, и вода ушла к краю.

Хуан вытянул руку за край, подставил ладонь под струйку и сказал Матео, что, если тот хочет, может теперь спать. Через некоторое время парень и правда заснул. Ладонь с плеча убрал только во сне.

К рассвету дождь ушёл. Я осторожно отпустила подпорку. Крыша осталась на месте.

Хуан спал на свёрнутой рубахе. Матео вытряхнул листья из большого башмака, набил носок тканью и прошёлся до края террасы. Ногу больше не приходилось поджимать на каждом шаге.

— Так и женишься в нём, — сказал Эстебан.

Матео оглядел башмак сверху.

— Если второй найдётся.

У берега вода тащила доски вдоль песка. Альваро смотрел туда, застёгивая мокрый пояс.

С террасы пляж выглядел пустым. Даже у того места, где я нашла Педро, светлый песок был теперь гладкий. Альваро стоял рядом и смотрел туда же.

— Схожу вниз, пока вода отошла, — сказал он.

— За Педро?

Я сразу поняла, зачем он идёт, и удивилась, как легко мне теперь произнести это имя. Вчера я ещё не знала имени человека на пляже. Сегодня окликнула Альваро, прежде чем он сделал первый шаг к спуску.

— Я с тобой.

Альваро посмотрел на мою рубаху. Целый угол у неё остался только сзади, и тот я испачкала о скалу.

— Сначала посушись.

Я могла бы пойти следом. Но рубаха была ещё мокрая, и кто-то должен был остаться с Хуаном. Я осталась под навесом. Эстебан догнал его у первого корня, и оба скрылись за деревьями.

К полудню над мокрой землёй стало душно. Я устроилась у края полотнища, где ходил воздух. Внизу голубел прибой. Стоило отвести взгляд от обломков — и берег казался местом, куда людей с моего лайнера привезли бы на полдня за деньги.

Матео подошёл и сел рядом.

— Ты правда ничего не помнишь про «Санта-Инес»?

Я посмотрела туда, где под водой темнел риф. На миг вспомнилась бочка, ушедшая с палубы в темноту. Больше ничего.

— Помню, как грузили кувшины, — сказала я.

— Ты тогда говорил, что на обратном пути купишь матери ставни. Если цены опять поднимут, обещал поставить старые. Сказал, она всё равно никогда не открывает правую.

У моей матери были белые жалюзи. Когда она ждала меня, то раздвигала пальцами две планки, чтобы увидеть машину на подъездной дорожке. У матери Диего почему-то оказались тёмные ставни и горшок на подоконнике, от которого на доске остался круг. Это я увидела так же ясно, как ладонь Матео на земле рядом со мной. А имени женщины по-прежнему не знала.

— Я помню окно, — сказала я.

Окна ему оказалось достаточно. Он вытянул ноги и стал смотреть, как на мокром песке проступают тени пальм.

За нашими спинами зашевелился Хуан. Подняться сам он не сумел, но, когда Матео подал ему кувшин, отстранил его руку и взялся за горлышко сам. Сделав глоток, оглядел то, что мы ночью натянули над ним.

— Диего, ты тут?

— Тут.

Хуан опустил кувшин себе на живот.

— Как солнце поднимется, посмотри, где дыры. На просвет их лучше видно.

Я подошла и посмотрела вверх. На полотне, там, где ночью собралась вода, проступил старый шов. Через одну из дырок солнце рисовало на Хуановой рубахе светлую точку. Он двигал плечом, и точка двигалась вместе с ним.

Внизу в кустах послышались шаги. Эстебан вышел первым. В руках у него была сухая на вид деревяшка с обломанным сучком. Он положил её возле скалы, подальше от подстилки. За ним появился Альваро. В тени под навесом ему пришлось постоять, пока глаза привыкнут. Он спросил Хуана, как нога. Тот ответил, что отдал бы её любому, кто захочет забрать.

Альваро сел, достал из-за пазухи кожаный мешочек и отогнул ткань. Внутри блеснуло железо.

— Берёг от воды за пазухой, — сказал он. — Думал, так уж точно не промокнет.

Я взяла свёрток. Снаружи ткань была сухой. Из сырой складки, в которой держали трут, к пальцу пристала нитка.

Глава 4. Трут

— Дай погляжу, — сказал Хуан.

Я поднесла к нему свёрток. Хуан высвободил руку из-под рубахи, потеребил бурый край и понюхал пальцы.

— Педро всегда заворачивал его в эту тряпку. Видишь, на углу крестик? Чтоб с паклей не спутать.

Альваро вынул из складки ткани кремень. На одной стороне у камня осталась белая корка, другая была сколота, с острым краем. Боцман держал его большим и указательным пальцами, будто собирался показать мне какую-то метку.

— Нашли Педро? — спросил Хуан.

— Под кустами. Перетащили выше.

Хуан провёл языком по губам.

— Один был?

Альваро кивнул. Хуан лёг, повернув голову к выходу. Отсюда ему были видны корни дерева и угол полотнища, вздрагивавший на ветру. Когда Матео заслонил собой просвет, Хуан попросил его сесть.

Я отщипнула немного трута с края и растёрла между пальцами. Рыжие волокна разошлись и снова слиплись. Наверное, стоило сразу разложить её сушиться. Но Альваро уже протянул мне кремень, а под пальцами у меня был тонкий клочок, который казался суше остальных.

Ветра у скалы почти не было. Я положила клочок на плоский камень и ударила сталью по кромке кремня. Руки выбрали угол быстрее, чем я успела его прикинуть. Искра упала на бурое волокно. Показалась красная точка, и, пока я наклонялась к ней, погасла. Запах остался, как от волоса, попавшего на свечу.

— Ещё раз, — сказал Матео.

Я подняла трут. Нижняя сторона успела потемнеть от камня.

— Принеси ту деревяшку, с которой Эстебан пришёл.

— Она тоже мокрая.

Я показала ему на обломанный сучок.

— Глянем, какая внутри.

Матео принёс деревяшку, и Эстебан, сидевший у края террасы, сразу обернулся. Из обломанного сучка торчал светлый острый язычок. Эстебан нажал на него ногтем. Дерево подалось у самого края, а ближе к середине ноготь оставил только белую царапину.

— Я её из развилки достал, — сказал он. — Ветки сверху прикрыли.

Альваро снял с пояса нож. Перед тем как отдать, провёл большим пальцем поперёк лезвия и вытер рукоять о штаны. Я обстругала язычок у сучка. Первые завитки получились тёмные и тяжёлые. Следующий свернулся вокруг лезвия и упал мне на запястье. От него пахло тёплым деревом. Это был первый сухой запах с тех пор, как я открыла глаза на берегу.

— Вот до такого цвета, — сказала я Матео. — Найдёшь ещё, тащи сюда.

Парень взялся было за деревяшку, но Эстебан придержал её босой ногой.

— Здесь оставь. Принесёшь с чем сравнить.

Из свёртка я достала кусок трута потолще. Изнутри он ещё держал форму, хотя края уже размокли. Я разделила его по слоям и разложила на отщеплённой лучине. Солнце дошло до камней у внешнего края террасы. Там и пришлось сидеть, придерживая лучину на коленях, потому что ветер уже пробовал приподнять самый тонкий лоскут.

Эстебан взял сухую пальмовую жилку и подбросил. Её понесло к навесу. Вторая упала у корней. Эстебан посмотрел, откуда в этот раз дунуло, и отошёл на открытый выступ террасы, где из красноватой земли торчал край скалы. Оттуда обрыв начинался дальше, чем мне виделось из-под полотна. На уступе ещё держалось солнце, а высокие ветки остались за спиной.

— Хуан отсюда огня не увидит, — сказала я.

— Увидит, если сдвинем его к краю подстилки. А под крышей он раньше нас узнает, куда летят искры.

Эстебан обломком доски соскрёб мокрую листву. Под ней оказались корни, тонкие и рыжие, туго натянутые в комьях земли. Ему пришлось отступить ещё немного, туда, где доска стукнула о камень и дальше пошла по песку. Расчищать это место было легче. Земля из-под листьев пахла грибами, и наружу вылезла белёсая личинка. Эстебан отгрёб её вместе с трухой, подальше от площадки.

За его плечом море доходило до дальнего дождя. Тот, утренний, уже рассеялся. Теперь над водой висела новая серая полоса, а облако над ней росло вверх, подбирая солнце с одной стороны. Здесь, у берега, свет проходил до самого песка. Сквозь воду у рифа проступали рваные тёмные края. Набегавшая волна на мгновение делала их резче, а потом вся поверхность белела.

За рифом птица шла низко, почти касаясь воды длинными крыльями. С земли порыв казался таким сильным, что у меня с лучины улетел клочок трута. Птица только повернула крыло и прошла вдоль буруна, не сделав ни одного взмаха. Я проводила её до того места, где

начиналось открытое море. Там она поднялась, и белое пятно под горлом исчезло на фоне облака.

Альваро подобрал клочок, стряхнул песок и вернул мне.

— Когда тебе полагалось разводить огонь для кока, ты всегда искал, кому это поручить.

— А кто соглашался?

Альваро опустился рядом на песок.

— Педро. Если у тебя было чем заплатить.

Боцман опустил голову. В песке между пальцами у него застряла тонкая полоска водоросли.

— Прикопали его там, где земля мягче, — сказал Альваро. — Под кустами его опять бы достала вода.

— Хочешь, потом покажешь мне где?

Альваро придвинулся ближе.

— Сиди пока здесь. Солнце ещё высоко.

Альваро заслонил лучину коленом. Я поправила лоскуты на лучине. Рядом с его ногой они больше не двигались.

— Зачем он носил с собой трут, если огниво у тебя?

Альваро повернул голову.

— Это у меня его огниво. Он на палубе выронил мешок, когда мы убирали парус. Я сунул за пояс, чтобы отдать потом.

Боцман сказал это спокойно. Только руку положил на кожаный мешочек, из которого утром вынул свёрток. Пустая кожа сминалась под пальцами.

В лесу закричал Матео. Альваро поднялся ещё до того, как я разобрала слова.

— Нашёл, — донеслось оттуда. — Только тут занято!

Парень вынырнул из-за деревьев с тонкой веткой через плечо. По стволу у его плеча пробежала зелёная ящерица с хвостом длиннее тела. Матео отскочил. Ящерица осталась там же, задрав голову, и выпустила из-под горла розовую складку. На солнце она почти просвечивала. Матео осторожно снял ветку с плеча и положил под ноги, и тогда ящерица перебежала за ствол.

— Хотел сухую с дерева снять, — сказал парень. — А там хозяин.

Альваро хрустнул тонким концом ветки. Внутри было светло, излом распушился. Эстебан отломил от толстой части ещё кусок, упёр его в камень и поскрёб ножом. Кора снималась влажной лентой, под ней дерево было ровное, без блеска. Матео опустился рядом, и Эстебан молча развернул ветку так, чтобы парень сам попробовал.

Пока они счищали кору, я строгала щепу у сучка. Лезвие то уходило слишком глубоко, то соскакивало по косому слою. С деревянными заготовками в моей прежней жизни такого не случалось. На занятиях нам выдавали уже подсушенное дерево, и я могла рассуждать о роли терпения, потому что закончить упражнение всё равно полагалось до обеда. Здесь я сидела в чужих штанах, сбивала костяшки о сучок и терпеливо держала доску для Матео, когда у него получалось лучше.

К полудню начинало припекать даже под полотнищем. Хуан позвал меня и попросил вынести его целую ногу на солнце. Оказалось, у него затекла пятка. Я сдвинула ткань под ней, и он сам вытянул ногу наружу. На солнце налипший песок проступил на коже отдельными зёрнами. Хуан пошевелил пальцами, присмотрелся к ним и попросил теперь затенить ему голову. Я сняла рубаху и повесила её на верёвку. Ветер раздул её, сразу открыв обе дыры у плеча.

— Зашьёшь, когда будет чем, — сказал Хуан.

Я посмотрела на свои пальцы и подумала, что с иголкой у Диего могло быть ещё хуже, чем с ножом.

— Покажешь?

— Покажу на парусе. На этой тряпке уже поздно учиться.

Когда мы вернулись к площадке, Эстебан выгреб последние листья из щели между камнями. Сухую щепку для растопки я подложила на камень, чтобы она не отсырела от земли. Мелкие стружки лежали рядом, чтобы подать их сразу. Сухое волокно из старого пальмового листа Матео растёр в ладонях. С виду оно мало отличалось от вчерашней подстилки, зато тихо шуршало, когда я раскрывала пальцы.

Альваро принёс трут с лучиной. Края подсохли и слегка загнулись. Тонкий слой, который я оторвала для пробы, больше не лип к пальцу. Я прижала его к кремню, оставив маленький край над сколом, и ударила. Кусочек сдвинулся под ногтем. После второго удара на труте осталась тлеющая точка. Вокруг неё начал темнеть край.

Матео потянулся ближе.

— С твоей стороны ветер, — сказала я.

Матео закрыл меня от ветра. Я перенесла тлеющий трут в сухое волокно и осторожно подула. Когда поднялось пламя, Эстебан подал тонкие веточки. Эстебан отложил толстую, которую принёс Матео.

Мы подождали, пока займутся тонкие веточки. До сих пор любое движение рук можно было отменить: передвинуть ветку, выбрать другую щепку. Теперь хвост огня вытянулся к

Матео, и тот отодвинулся, не вставая. Вместе с ним отступила его тень. На солнце пламя почти пропало, стало видно, как под ним из веточки проступает прозрачная капля, шипит и исчезает.

— Есть? — спросил Хуан из-под паруса.

— Есть, — сказал Матео, а сам продолжал смотреть между веточек, проверяя, не соврал ли.

Альваро сел у огня на корточки, достал из-за пазухи кожаный мешочек и протянул мне.

— Забери, пока опять не намокло.

Я уложила огниво в мешочек вместе с сухим трутом и завязала. Лучину с оставшимся трутом прикрыла ладонью от ветра.

— Здесь оставлять? — спросила я.

— При себе носи. На ночь уберём вместе с щепой.

К тому времени, когда костёр принялся за ветку потолще, ветер ослаб. Над морем снова открылось солнце, и на белом гуле рифа вдруг стало слышно, как шуршит огонь. В сучке раздался щелчок. Хуан вздрогнул под навесом, попробовал повернуться и сам остановился, вцепившись пальцами в подстилку. Альваро подошёл с одной стороны, я с другой.

— Скажи, за что браться, — сказала я.

Хуан несколько раз вдохнул, прежде чем ответить. Показал, как подхватить ткань у плеча. Матео приподнял свёрнутую рубаху из-под его головы, и мы подтянули подстилку к открытому краю навеса, на очищенное место поодаль от огня. Эстебан подложил Хуану за спину свернутую парусину. На этом, по общему мнению, можно было остановиться. По Хуанову — нет.

— Да отойдите вы все, — сказал он. — Диего, и ты. От тебя одна тень.

Я села сбоку. Хуан упёрся локтем и медленно повернул к огню целую ногу. Пальцы сперва подобрались, потом разжались. Матео хотел поправить на нём рубаху, но передумал и устроился рядом, положив руки на колени.

— В следующий раз разбуди меня, когда будете выбирать остров, — сказал Хуан.

— А что тебе здесь не так? — спросил Матео.

Хуан приподнял подбородок. Из-за уступа ему теперь был виден просвет между двумя пальмами. Одна стояла прямо, другая тянулась над склоном почти боком. В прорехе между кронами висело белое облако, широкое у основания и теперь уже плоское сверху. По воде под ним шли яркие пятна. Дальнее погасло, ближнее раскрылось во всю ширину отмели.

— Да я бы этот и выбрал, — сказал Хуан. — С берега красивый.

Матео фыркнул, наклонив голову, и Хуан улыбнулся. Потом парень вытащил ступню из башмака и повернул её к огню так же, как Хуан. На секунду они сели совершенно одинаково, оба глядя поверх ног на море. Хуан заметил это первым и ткнул Матео локтем.

Эстебан ушёл вниз, когда вода снова отступила от полосы выброса. Вернулся с котлом, прижимая его к животу. Поставил в стороне от углей, и из котла выпала спутанная водоросль. Из неё выполз крошечный краб. Пока мы рассматривали посудину, он успел сойти с камня и провалиться в щель.

— Был под парусом у самой воды, — сказал Эстебан. — Увидел край, когда волна ткань подняла.

Альваро присел и провёл ладонью по помятому боку. Сажа держалась полосой снаружи. Выше осталась светлая царапина, которую песок отполировал почти до блеска.

— Кок его как-то выкатил мне прямо под ноги, — сказал боцман. — Был такой же вмятый, только с другой стороны.

Эстебан перевернул котёл. На обратном боку обнаружилась вторая вмятина. Альваро постучал по ней костяшками. Звук ушёл низко, без дребезга, и я впервые за день услышала в этой груде обломков вещь, которая ещё могла послужить по прямому назначению.

Я взялась за край, чтобы поглядеть, что осталось от крепления. Внутри рядом с ободом нашлась песчаная полоска, ниже налёт смывался пальцем. Котёл тянул вниз даже пустой. У меня мелькнула мысль прилечь на обогретый солнцем камень и оставить его в покое до утра. Потом я посмотрела на кувшин у Хуана, который Матео наклонил слишком далеко, прежде чем вода дошла до горлышка.

— В море ещё можно спуститься? — спросила я Эстебана.

— Смотря для чего.

Я смахнула с обода песок.

— Выполоскать. И воды принести, огонь залить к ночи.

Я сняла рубаху с верёвки и натянула через голову. На плечах она успела высохнуть. Эстебан взглянул на котёл и перевёл взгляд на спуск. Подсунул под пальцы кусок ткани и взялся за край с одной стороны. Я подхватила с другой. До воды решено было идти сразу. Пока мы спускались, огонь оставался у Альваро на виду.

У подножия террасы тень от пальм лежала поперёк песка. Когда между листьями пробивалось солнце, в тени двигались светлые лоскутки. Низко над пляжем пахло солью и нагретой водорослью. Место, где вчера лежал Педро, издали было гладким. Вблизи я увидела на нём мелкие отверстия, откуда с приближением воды на поверхность выходили пузырьки.

Я направилась к открытому берегу, но Эстебан взял меня за край рукава.

— За камень. Там вода сама подходит.

С нашей стороны камень был сухой почти донизу. За ним, в мелкой ложбине, ещё стояла прозрачная вода. В узком проходе плавала стайка мальков. При каждой слабой волне её сносило в сторону, и рыбки возвращались все разом, повернувшись серебряными боками. Эстебан первым присел у камня, вычистил песок из котла пучком травы и отпустил его по воде. Потом мы выполоскали котёл. Зачерпнули столько, чтобы поднять и донести. Часть всё равно расплескалась на подъёме, и на моём боку образовалась мокрая полоса, которая сначала холодила, а у навеса уже начала зудеть от соли.

Пока мы ходили, дерево у огня подсохло и стало гореть без треска. Альваро подался в сторону, чтобы я могла поставить котёл. Огонь освещал нижнюю часть его лица. В щетине у подбородка ещё белела соль.

— С моря этот дым виден? — спросил Матео.

Эстебан поднял глаза. Над костром дым уже распадался, а дальше его относило в сторону светлого склона.

— С пляжа едва видно.

Матео отошёл к спуску и повернулся к нам. Постоял там немного, подняв голову. С той стороны костра было видно одно его плечо на фоне моря. Парень махнул рукой, показывая, что и правда почти ничего. Альваро подозвал его обратно. На закате камни внизу сливались, а ветер уже переменился и пах мокрыми листьями.

Пока было светло, я обтесала остаток ветки. Матео помог разломать её там, где шли ровные волокна. Из-под ножа сыпалась щепа, которую Хуан подгребал к себе краем ладони. С подстилки ему было удобно ловить только то, что падало близко. Всё равно каждый раз, когда Матео хотел подвинуться к нему и делать это сам, Хуан совал ему ветку, ещё не ошкуренную до конца.

Мы сели у огня, когда полоска солнца на верхушке пальмы стала рыжей. Под последней веткой набралось достаточно углей, чтобы испечь лепёшку. Я даже отыскала глазами плоский камень, на котором могла бы её раскатать. Матео сидел, сунув руки в рукава, и рассказал, что в детстве таскал горячие лепёшки из-под полотенца. Мать давала им остыть у окна. Если снаружи шёл дождь, приходилось воровать с кухни, прямо у неё за спиной.

— Часто ловила? — спросил Хуан.

— Когда забывал занести ей половину.

В темноте у подножия террасы что-то зашуршало. Матео подобрал ноги. Эстебан бросил вниз щепку: шорох переместился дальше.

Последнюю ветку мы дали догореть. Хуан к тому времени устал сидеть и сам попросил нас уложить его подальше от края. Пока Альваро менял опору у него за спиной, я раздвинула угли обломком доски. Из середины вышел жар. Эстебан наклонил котёл, и вода зашипела на камне. Мы перемешали мокрую золу, перевернули головешку. Под нею ещё светилась красная

жилка. На неё ушло остальное. Когда над золой перестало тянуть теплом, Эстебан отнёс котёл под скалу. На камне остался мокрый ободок.

Огниво я спрятала в сухой мешочек и убрала у изголовья, чтобы утром не искать. Щепу сложила рядом.

У скалы Альваро перевернул котёл набок, чтобы стёк остаток воды. Край звякнул о камень. Я выбралась из-под навеса и пошла к нему.

— Что на этот раз? — спросил он. — Опять к морю?

— Утром принеси его к огню. Я хочу попробовать кое-что с водой.

Альваро посмотрел на кувшин у подстилки.

— С морской, — сказала я и подняла котёл.

Глава 5. Пар

К утру листья на пальмах высохли даже с нижней стороны. Матео дёрнул за край паруса, проверяя, не осталось ли сверху дождевой воды. С полотна слетела щепка, которую вчера подложили под узел. Парень поднял её и сунул обратно. Потом вынес кувшин на свет и покачал. Вода внутри отозвалась с запозданием, когда рука уже остановилась.

— Хуану отнеси, — сказала я.

— Он мне велел сначала тебе.

Из-под паруса донеслось:

— Я велел спросить, пил ли он.

Будь у меня прежний голос, Хуан услышал бы, как плохо я скрываю раздражение. Я выпила немного и отнесла ему кувшин.

Хуан приподнял голову со свёрнутой рубахи. После той ночи, когда навес протёк, мы долго искали, что подложить ему под затылок. Сегодня наружная сторона рубахи на ощупь была тёплой.

— От меня убери потом, — сказал Хуан, вернув кувшин. — Я уже дважды потянулся спросонья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.